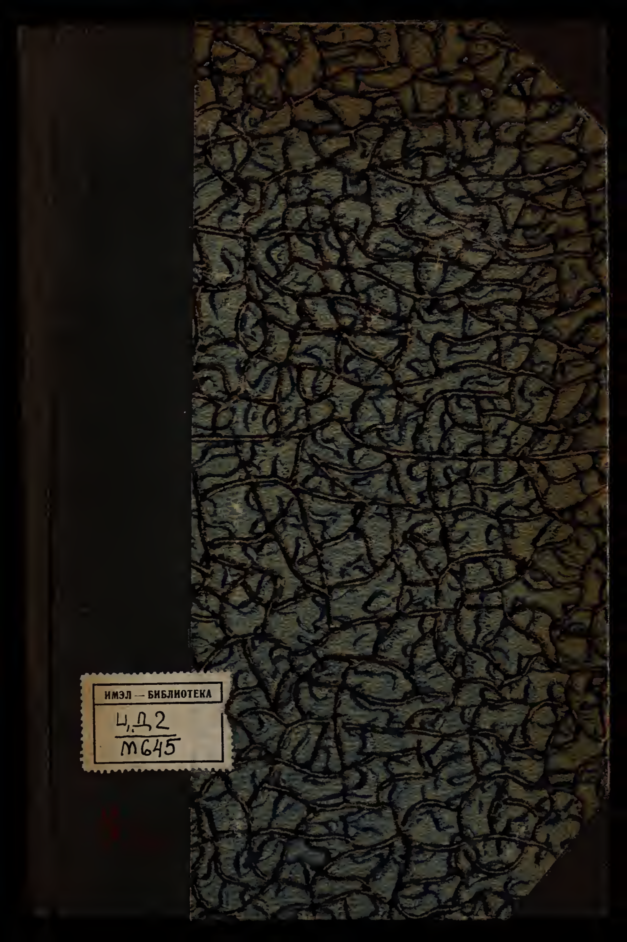
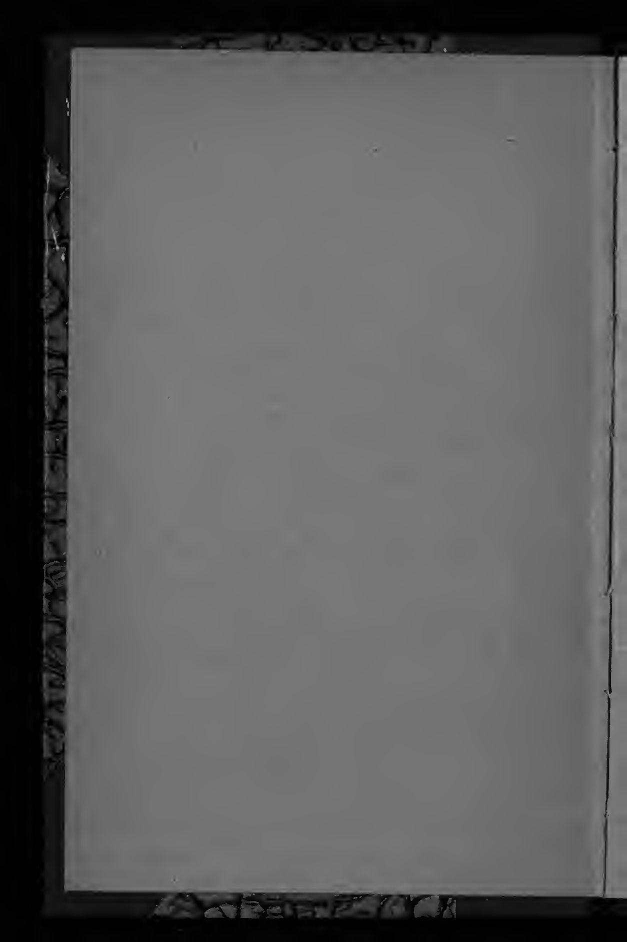

ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ц.Д2
M645



[Соб]раніе лучшихъ русскихъ произведеній.

Н. К. Михайловскій.

Воспоминанія.

1. Вѣра Фигнеръ.
2. В. К. Плеве.



MICHAILOWSKI.
Memoiren. — Mémoires.

БЕРЛИНЪ. [Char]lottenstr. 2. **BERLIN SW.**
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1906. 1906.

Часть **116**. Мар. 1.—



Н. К. Михайловскій.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

Воспоминанія.

1. Вѣра Фигнеръ.
2. В. К. Плеве.



БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница
Шарлоттенштрассе 2.

I.

Вѣра Фигнеръ.

Дѣло было, не помню въ которомъ году, незадолго до коронаціи Александра III. Правительство было въ большомъ смущеніи, оно ожидало какого нибудь сюрприза въ моментъ коронаціи и вообще опасалось новыхъ террористическихъ предпріятій. Дѣйствительно, хотя

Замѣчаніе: Эти отрывки изъ воспоминаній покойнаго Н. К. доставлены намъ сыномъ его, молодымъ талантливымъ натуралистомъ Маркомъ Ник. Михайловскимъ — ненадолго пережившимъ отца и недавно скончавшимся послѣ долгой болѣзни... Теперь уже не можетъ составлять тайны, что перу Михайловскаго принадлежитъ рядъ статей въ „Нар. Волѣ" и друг. револ. изданіяхъ. Большинство ихъ помѣщено въ приложеніи къ брошюрѣ Ю. Гарденина „Памяти Н. К. Михайловскаго".

не знаю, дѣйствовало ли, но во всякомъ случаѣ было образовано тайное противо-революціонное общество, состоявшее подъ покровительствомъ Императрицы Маріи (это послѣднее мнѣ подтвердилъ предсѣдатель цензурнаго комитета Ведровъ, при объясненіи Щедринскаго „Общества проломленныхъ головъ“). Складывались и другія тайныя общества съ той же цѣлью. Однажды ко мнѣ явился Н. съ слѣдующимъ сообщеніемъ. Онъ хлопоталъ о газетѣ, которую намѣревался издавать, и не знаю, какимъ образомъ, добрался съ этою цѣлью до Воронцова-Дашкова. Тотъ сказалъ ему, что это можно устроить, можно устроить и гораздо больше. Государь настроенъ наилучшимъ, наиблагосклоннѣйшимъ образомъ, онъ готовъ дать Россіи конституцію, но надо, чтобы прежде прекратились дѣйствія террористовъ, потому что не можетъ же правительство выступить на либеральный путь подъ угрозою. „Вотъ — сказалъ онъ — примите на себя трудъ переговоровъ съ революціонерами и если коронація пройдетъ благополучно, сможете разсчитывать не только на газету, но и на многое другое. Если хотите—прибавилъ онъ—я вамъ устрою свиданіе съ государемъ, и онъ самъ вамъ ска-

жетъ это". Въ подтвержденіе Н. показалъ мнѣ одну-двѣ записки Воронцова-Дашкова незначительнаго содержанія—приглашеніе пожаловать къ нему тогда-то и тогда-то. Н. сообщилъ, что въ дѣлѣ этомъ принимаетъ участіе Шуваловъ, не помню, который по имени, но знаю, что онъ былъ тогда личнымъ другомъ государя. Знаю также, что этотъ Шуваловъ занимался одно время химіей и затѣмъ былъ психически боленъ, о чемъ я слышалъ отъ его учителя химіи Г. и психіатра Т., которымъ Шуваловъ самъ разсказывалъ о ниже-слѣдующей исторіи. Н., у котораго было мало связей въ революціонной партіи, предложилъ мнѣ дѣйствовать вмѣстѣ. Я знаю, что партія была въ это время въ упадкѣ, — кто арестованъ, кто казненъ и только Вѣра Филиппова (Фигнеръ) была изъ крупныхъ дѣятелей на свободѣ, скрываясь въ Харьковѣ. Ожидать что нибудь на коронаціи и безъ того нельзя было, правительство этого не знало, а у страха глаза велики. Поэтому согласиться на предложеніе было лестно. Но я все-таки сначала посовѣтовался съ К., съ которымъ былъ тогда очень близокъ, а Н. не особенно довѣрялъ. Съ К. происходили въ это время тоже какія-то заигрыва-

нія, и мы рѣшили, что принять предложеніе слѣдуетъ, но держать ухо востро. Я поѣхалъ въ Харьковъ къ Вѣрѣ, а Н. — заграницу, въ Парижъ. Онъ вернулся съ очень страннымъ результатомъ, какого не нашелъ, а не вдолгѣ и совсѣмъ переселился изъ Петербурга на югъ, гдѣ и понынѣ (1903 г. іюнь) проживаетъ. Я его и въ Петербургѣ почти не видѣлъ, а послѣ переѣзда онъ у меня ни разу не былъ, хотя въ Петербургъ наѣзжалъ. Моя поѣздка въ Харьковъ (я ѣздилъ туда подъ предлогомъ устройства своихъ книгъ у харьковскихъ книгопродавцевъ) была добычливѣе. Вѣру я розыскалъ . . . Этотъ удивительный человѣкъ очень усталъ отъ своей бурной жизни, и въ ту минуту и отъ тяжкаго положенія скрывающагося: вѣчно съ оглядкой, вѣчно подъ страхомъ быть кѣмъ нибудь узнанной. Мы рѣшили такъ: партія, которая, повторяю, и безъ того была безсильна, обѣщаетъ воздержаться отъ дѣйствій во время коронаціи, но мы съ своей стороны боялись, въ виду этого безсилія, предъявить какія нибудь очень большія требованія, тѣмъ больше, что не были увѣрены, что насъ не надуютъ. Поэтому, не опредѣляя ближайшимъ образомъ тѣхъ реформъ,

которыя должно произвести правительство послѣ коронаціи мы потребовали въ видѣ задатка и въ удостовѣреніе добрыхъ намѣреній правительства исполненія къ 19 февраля двухъ пунктовъ: освобожденія Чернышевскаго и разслѣдованія безчинствъ, произведенныхъ не задолго передъ тѣмъ на Карѣ. Это были болѣе, чѣмъ скромныя требованія, но вѣдь все дѣло наше было, собственно говоря, безнадежно, много запрашивать не приходилось, при томъ же это былъ задатокъ . . . Справедливость требуетъ сказать, что оба требованія были исполнены, но не 19 февр., а гораздо позже: Чернышевскій былъ возвращенъ сначала въ Астрахань, а потомъ на родину въ Саратовъ, а для разслѣдованія Карійскаго дѣла былъ командированъ флигель-адъютантъ, помнится, Нардъ. На счетъ же либеральныхъ реформъ мы были обмануты. Кѣмъ — не знаю, такъ какъ весьма возможно, что Н. передалъ Воронцову и Шувалову наши два пункта, какъ окончательные, исчерпывающіе всѣ наши желанія. По крайней мѣрѣ, Шуваловъ говорилъ впослѣдствіи Т.: „что это, какія скромныя требованія постановили Н. и М.?“ Утѣшеніемъ можетъ развѣ послужить то, что все равно

никакихъ реформъ, кромѣ понятныхъ, Россія при Александрѣ III не получила бы.

Вскорѣ послѣ этого я, будучи высланъ изъ Петербурга и проживая въ Выборгѣ, услышалъ объ арестѣ Вѣры. Я былъ необыкновенно встревоженъ этимъ извѣстіемъ. Въ Харьковѣ Вѣра была устроена, какъ нельзя лучше, и, казалось, могла такъ прожить въ безопасности многіе годы. Я боялся, что именно я навелъ на ея слѣдъ полицію, такъ какъ я состоялъ подъ негласнымъ надзоромъ, а въ Харьковъ ѣздилъ совершенно открыто, имѣя въ случаѣ надобности объясненіе въ необходимости сношеній съ тамошними книгопродавцами. Мои опасенія оказались напрасными: Вѣру выдалъ одинъ рабочій, указавъ на нее полиціи на улицѣ. Однако администрація что то узнала, если не прямо о цѣли моей поѣздки, то объ ея общемъ характерѣ. Губернаторомъ былъ тогда въ Харьковѣ Калачевъ, переведенный потомъ губернаторомъ же въ Кострому (теперь занимаетъ какой то высокій постъ въ Петербургѣ). Однажды онъ заговорилъ обо мнѣ съ моимъ зятемъ Мягковымъ, служившимъ въ костромскомъ губернскомъ правленіи и, между прочимъ, сказалъ: „вы думаете, мы не знаемъ,

зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ". Но на этомъ разговоръ и кончился, такъ какъ Мягковъ ничего о моей поѣздкѣ не зналъ.

Упомянувъ В. Н. Филиппову, не могу не остановиться на этой необыкновенной женщинѣ. Я никогда не участвовалъ въ террористическихъ предпріятіяхъ, никогда не разспрашивалъ о приготовленіяхъ къ нимъ, объ адресахъ подпольныхъ изданій и т. п., но пользовался довѣріемъ у многихъ изъ этого круга. Какъ ни различны они были въ отношеніи ума, дарованій, характера, но всѣ они одинаково были преданы своей идеѣ до полнаго самоотверженія, и, не даромъ американецъ Сальтеръ видитъ въ нихъ истинно религіозныхъ людей безъ всякой теологической примѣси. Но ни о комъ изъ нихъ не вспоминаю я съ такимъ благоговѣніемъ, какъ о Вѣрѣ Фигнеръ. Со времени ея ареста (10 февраля 1883 г.) . . . (фраза въ рукописи не кончена и слова отъ послѣдней точки зачеркнуты) . . . Я понимаю и тотъ страхъ передъ ней, который заставляетъ держать ее взаперти вотъ уже двадцать лѣтъ, и то почтеніе, которое оказывается ей и тюремщиками, и высшими властями.

У меня была въ рукахъ книга на французскомъ языкѣ, изданная въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, написанная по порученію, повидимому, министерства внутреннихъ дѣлъ, кажется, Мальшинскимъ (авторъ не названъ). Не помню заглавія, но содержаніе ея — исторія русскаго революціоннаго движенія. Авторъ весьма суровъ къ дѣятелямъ этого движенія, и, насколько я успѣлъ познакомиться съ книгой (она была у меня въ рукахъ всего нѣсколько часовъ) только Вѣра да еще Германъ Лоптинъ выдѣляются и удостаиваются чуть не панегириковъ, сопровождаемыхъ, разумѣется, сожалѣніями, что такія силы такъ дурно направлены. Да, это была большая сила, да какъ видно изъ воспоминаній людей, выпущенныхъ изъ Шлиссельбурга, и до сихъ поръ, сѣдой старухой, остается такою же. Въ чемъ состояла эта сила, это обаяніе, которымъ она пользовалась, трудно сказать. Она была умна и красива, но не въ одномъ умѣ тутъ было дѣло, а красота не играла большой роли въ ея кругу; никакихъ спеціальныхъ дарованій у нея не было. Захватывала она своею цѣльностью, сквозившею въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ ея жестѣ: для нея не

было колебаній и сомнѣній. Не было, однако, въ ней и той аскетической суровости, которая часто бываетъ свойственна людямъ этого типа. Напротивъ, когда дѣла шли хорошо, она способна была веселиться, какъ ребенокъ, и если въ послѣднее свиданіе въ Харьковѣ я нашелъ ее усталою, разбитою, то дѣла въ это время были изъ рукъ вонъ плохи, а затѣмъ въ Шлиссельбургѣ она совсѣмъ сбросила съ себя эту усталость. Въ одномъ изъ воспоминаній о шлиссельбургской тюрьмѣ я читалъ трогательное описаніе имянинъ Вѣры: благодаря разнымъ случайностямъ, всѣмъ удалось собраться въ одной комнатѣ, Вѣрѣ были поднесены самодѣльные подарки, а затѣмъ подъ самодѣльную музыку, чуть ли не на гребенкѣ происходили танцы. Это напомнило мнѣ свадьбу Льва Тихомірова, конечно, подъ чужимъ именемъ, ибо это было задолго до его превращенія. Для пущей представительности я, будучи приглашенъ въ шафера, не помню уже, жениха или невѣсты, въ первый и въ послѣдній разъ былъ облеченъ во фракъ, — онъ былъ взятъ на прокатъ. Послѣ свадьбы вся компанія отправилась въ трактиръ къ Палкину и тамъ въ большомъ отдѣльномъ кабинетѣ былъ приглашенъ, послѣ

веселаго ужина, таперъ и пошли танцы, при чемъ Вѣра была, кажется, веселѣе всѣхъ.

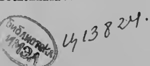
Удивительное время было эти 70-е годы. Несмотря на всю бдительность явной и тайной полиціи, не смотря на аресты, ссылки и казни, самые опасные террористы разгуливали съ фальшивыми паспортами совершенно открыто по Петербургу, показывались въ обществѣ, въ театрѣ, на разныхъ торжествахъ. Въ концѣ концовъ они попадались, но гуляли все таки годами, и, можетъ быть, разгадки слѣдуетъ искать именно въ этой смѣлости: не могла же полиція думать, что тѣ, кого она ищетъ по всей Россіи, расхаживаютъ тутъ же у насъ подъ носомъ. Или, можетъ быть, полиція была тогда глупѣе. Глупа она была, дѣйствительно, очень. Я упомянулъ, что состоялъ тогда подъ негласнымъ надзоромъ. Можетъ быть, это и до сихъ поръ продолжается, — былъ же Пушкинъ подъ надзоромъ и послѣ своей смерти, состоялъ же подъ надзоромъ Наполеонъ III, будучи уже императоромъ, — но я этого не знаю, а тогда зналъ. Однажды я былъ въ Костромѣ, собственно въ деревнѣ подъ самой Костромой, версты двѣ-три отъ нея, у своихъ родныхъ Мягковыхъ. Поѣхали мы

какъ то съ сестрой, зятемъ, племянницами въ городъ, въ театръ. Въ одномъ изъ антрактовъ къ зятю подошелъ полицейскій чинъ и попросилъ вызвать меня. Оказалось, что я долженъ подписать только что полученную бумагу, а въ бумагѣ этой значилось, что въ Кострому имѣетъ прибыть такой то Михайловскій, за которымъ полиціи рекомендуется имѣть строгій негласный надзоръ. Когда я въ удивленіи обратилъ вниманіе полицейскаго на странность этого документа, онъ очень сконфузился, вырвалъ у меня изъ рукъ бумагу и объяснилъ, что онъ перемѣшалъ бумаги, что мнѣ ничего не слѣдуетъ подписать, а есть другая бумага изъ Петербурга, которую долженъ подписать сосланный въ Кострому Берви. Въ другой разъ у меня послѣ обыска былъ отобранъ паспортъ и взята подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга. Прошло мѣсяца два, мнѣ понадобилось съѣздить въ Москву, и я подалъ прошеніе о возвращеніи мнѣ паспорта. Онъ былъ мнѣ возвращенъ, я открыто уѣхалъ въ Москву, ѣздилъ туда и еще нѣсколько разъ, полагая, что вмѣстѣ съ возвращеніемъ паспорта съ меня и подписка о невыѣздѣ снята. Но, примѣрно, черезъ полгода меня вызвали въ полицейскій

участокъ и тамъ объявили, что я могу свободно выѣзжать изъ Петербурга. Я едва воздержался отъ заявленія, что и безъ того считалъ себя свободнымъ и нѣсколько разъ уѣзжалъ. Интересно, что въ этомъ участкѣ на стѣнѣ висѣла олеографія съ извѣстной картины Соломаткина: пьянные городовые славятъ Христа въ купеческомъ домѣ. Въ памяти моей сохранились и другіе образчики полицейской глупости того времени.

Но очень ли поумнѣла полиція съ тѣхъ поръ? Сомнѣваюсь. Массовые аресты невинныхъ людей или недавно отобраніе при обыскѣ В. В. Лесевича клистирной трубки, какъ опаснаго оружія, рядомъ безпрепятственныя убійства Боголѣпова, Сипягина, Богдановича, безуспѣшность многолѣтней погони за Бершковской — также не говорятъ о большомъ умѣ. Года два тому назадъ со мной былъ такой случай. Получивъ приглашеніе пожаловать въ такой то день въ такомъ то часу въ жандармское управленіе, я аккуратно явился, но тамъ мнѣ объяснили, что полковникъ (не помню фамилію), приглашавшій меня, нездоровъ. Я спросилъ, нѣтъ ли кого дежурнаго. „Есть адъютантъ“ — „Такъ попросите его меня

принять". Адъютантъ, молодой, хорошенькій, франтоватый, принялъ меня очень любезно и сказалъ, что онъ можетъ замѣнить полковника и задастъ мнѣ два вопроса. Во первыхъ, былъ ли я на проводахъ Тана? — Проводы эти, происходившія на квартирѣ Калмыковой и, кажется, рѣшительно ничего особенно собою не представлявшія, вдобавокъ имѣвшія мѣсто года полтора передъ тѣмъ, почему то очень интересовали полицію, что уже само по себѣ не свидѣтельствуетъ объ ея умѣ. — Я отвѣчалъ, что не былъ. — „А Мякотинъ показалъ, что вы были", съ чрезвычайно проницательнымъ видомъ сказалъ адъютантъ. Это былъ, по его мнѣнію, очень хитрый пріемъ. Но я, дѣйствительно, не былъ, и ничего подобнаго Мякотинъ показать не могъ, что я и заявилъ адъютанту. „Но, вѣдь, Мякотина же вы знаете?" все также хитро и проницательно спросилъ адъютантъ. — „Очень хорошо знаю, мы работаемъ въ одномъ журналѣ". — „И Калмыкову знаете?" „Знаю".—„Бывали ли у нея?" — „Право, не помню, кажется, былъ разъ или два". — „Ну, въ такомъ случаѣ — продолжалъ мой умный собесѣдникъ, улыбаясь — второго вопроса мнѣ вамъ нечего и



задавать“. — „Однако, позвольте полюбопытствовать“. — „Былъ ли Макотинъ на этихъ проводахъ? — „Я разсмѣялся: „а этого ужъ не умѣю вамъ сказать“ . . .

Кстати. Черезъ нѣкоторое время я былъ опять приглашенъ въ жандармское управленіе къ тому же полковнику. На этотъ разъ допросъ долженъ былъ происходить по требованію Пермскаго жандармскаго управленія и въ присутствіи товарища прокурора. Въ ожиданіи его, мы разговорились съ полковникомъ. Я сказалъ, что у нихъ должно быть очень много дѣла, потому что недавно я былъ вотъ въ этой же комнатѣ допрашиваемъ по дѣлу довольно таки странному. — „Можетъ быть, нашлись какія нибудь новыя данныя — возразилъ полковникъ — бываетъ: недавно, напримѣръ, нашелся новый документъ по дѣлу 1-го марта“. Какъ не интересно было узнать, что это за документъ, я, разумѣется, не рѣшился спросить о немъ полковника.

Еще маленькая подробность. У меня часто очень дрожатъ руки, и тогда я пишу очень скверно. Такъ было и при этихъ двухъ допросахъ. И когда я заявилъ объ этомъ, то полковникъ очень любезно согласился запи-

сать мои показанія самъ, только бы подпись была моя, а адъютантъ заставилъ меня писать все и потомъ съ тѣмъ же хитрымъ и проницательнымъ видомъ спросилъ — всегда ли я такъ пишу? . . .

Но я уклонился отъ Вѣры Николаевны. Она бывала у меня довольно часто, иногда одна, иногда въ компаніи, иногда съ Юріемъ Богдановичемъ, который числился ея мужемъ, т. е. по фальшивому паспорту, для полиціи и непосвященныхъ: въ дѣйствительности супружескихъ отношеній тутъ и въ поминѣ не было. Какимъ то образомъ объ этомъ узналъ одинъ мой знакомый, Самарскій-Быховецъ, адвокатъ. Онъ счелъ нужнымъ остеречь меня, при чемъ отозвался о Вѣрѣ, какъ о человѣкѣ не только неосторожномъ, но и болѣе чѣмъ легкомысленномъ. Вскорѣ послѣ этого онъ встрѣтился у меня съ супругами — не помню ужъ фамиліи, подъ которой жили Юрій и Вѣра и подъ которой я ихъ познакомилъ съ Самарскимъ. Дѣло было вечеромъ; за ужиномъ Самарскому пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрой, и они очень оживленно разговаривали. Послѣ ужина онъ разсыпался передо мной въ похвалахъ достоинствамъ дамы, съ

которой я его познакомилъ. — „А знаете, кто она?“ — спросилъ я. — „Такая то?“ — „Не совсѣмъ. Это Вѣра Николаевна Фигнеръ“. — Ошеломленный Самарскій подумалъ съ минуту, потомъ рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ Вѣрѣ и попросилъ позволенія поцѣловать у нея руку. — „Извините, что это вамъ вздумалось?“ — „Я, не зная васъ, дурно о васъ отзывался, теперь, узнавъ, прошу простить меня“, — отвѣтилъ Самарскій и, видимо, взволнованный, тотчасъ ушелъ.

Припоминаю другой случай неотразимаго впечатлѣнія, которое Вѣра производила съ перваго же знакомства. У А. былъ воспитанникъ — полусирота: отецъ жилъ не то въ Константинополѣ, не то въ Румыніи, а мать умерла. Мы его звали въ шутку румынскимъ княземъ. Попалъ онъ къ А. маленькимъ мальчикомъ, — какъ и почему — не знаю. Постепенно изъ него выросъ огромный молодой человѣкъ, очень замѣтный, какъ своимъ высокимъ ростомъ, такъ и большимъ количествомъ угрей на лицѣ. Учился онъ плохо, но отданный, наконецъ, въ ремесленное училище цесаревича Николая, пошелъ тамъ очень хорошо, блестяще окончилъ курсъ и былъ

отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія. За границей онъ видѣлся, между прочимъ съ эмигрантами, тѣ пробовали обращать его въ свою вѣру, но безуспѣшно, и вернулся онъ въ Россію, если не очень вѣрноподданнымъ, то во всякомъ случаѣ чуждымъ политикѣ. Однажды онъ встрѣтился у меня съ Вѣрой. Это былъ молчаливый въ обществѣ человѣкъ и въ бесѣдѣ не участвовалъ, но внимательно слушалъ. Когда Вѣра стала прощаться, онъ попросилъ позволенія проводить ее до дому. Что тутъ между ними происходило, я не знаю, но съ этого дня онъ былъ конченный человѣкъ, весь во власти открывшихся передъ нимъ перспективъ . . . .

(На словѣ — „перспективъ“ — рукопись обрывается).

II.

Мое свиданіе съ В. К. Плеве.

10 декабря 1902 года я былъ вызванъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Я не зналъ, зачѣмъ я ему нуженъ, и боялся, что онъ будетъ задавать мнѣ какія нибудь вопросы, которые поставятъ меня въ затруднительное положеніе. Опасенія мои оказались напрасными. Плеве все время говорилъ самъ, и мнѣ лишь изрѣдка удавалось вставлять свои реплики.

— Вы Николай Константиновичъ, — мещовскій уроженецъ? Я тоже мещовскій, и наши отцы были, помнится, знакомы . . . Вы понимаете, впрочемъ, что я пригласилъ васъ не затѣмъ, чтобы счесться землячествомъ. Выслушайте меня. Когда я былъ директоромъ департамента полиціи, у меня служилъ чинов-

никъ, очень талантливый человѣкъ, и мѣсто его не въ полиціи было, С. С. Татищевъ — слыхали, вѣроятно? Такъ вотъ онъ началъ писать исторію русской революціи, которую я теперь приказалъ возстановить по черновикамъ. На первыхъ же страницахъ этой исторіи разсказанъ случай протеста тридцати литераторовъ по поводу несоблюденія будто-бы законныхъ формальностей при арестѣ писателя Михайлова. По тогдашнимъ законамъ, при арестѣ долженъ былъ присутствовать депутатъ отъ сословія, и такъ какъ Михайловъ былъ дворянинъ, то — депутатъ отъ дворянства. Протестанты упустили изъ виду, что для политическихъ преступленій существуетъ иной порядокъ . . . Это было въ 1861 году, и съ тѣхъ поръ русская литература не перестаетъ противодѣйствовать видамъ правительства и сѣять сѣмена революціи . . .

Я. Простите, ваше высокопревосходительство, но русская литература находится въ такихъ цензурныхъ условіяхъ, что ни о революціи, ни о противодѣйствіи видамъ правительства и рѣчи быть не можетъ. Если бы я могъ показать вамъ нѣкоторыя цензорскія корректуры . . .

Плеве (серьезно и почти строго). Я васъ прошу, если вы хотите продолжать нашу бесѣду, не считать меня за простака, на котораго можно подѣйствовать такими аргументами. Я не хуже васъ знаю, что литература умѣетъ намеками, обходами и умолчаніями дѣлать свое дѣло, а дѣло это есть революція. (Мягче). Но не будемъ, пожалуй, употреблять это слово, будемъ говорить — общественное движеніе. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что это общественное движеніе есть плодъ литературы. Студенты, вообще, молодежь, рабочіе, крестьяне — все это — пушечное мясо. Двигатель — печать, и она должна платиться за всѣ безпорядки, и будетъ платиться: я именно хочу васъ объ этомъ предупредить. Я сдѣлалъ однажды вамъ зло и не хотѣлъ бы сдѣлать его вамъ вторично. Вы — умный и талантливый человѣкъ (я кланяюсь), я съ большимъ интересомъ читалъ нѣкоторыя ваши произведенія . . . конечно, не для поученія; и, повторяю, не желаю причинять вамъ зло. Поэтому то и предупреждаю. Пока вы — только литература, я васъ не трону, но если начнутся какія нибудь безпорядки, я не остановлюсь ни передъ ссылками, ни передъ ихъ

числомъ. Правительство, повѣрьте, достаточно сильно, чтобы сломить всякое противодѣйствіе, но сила не нападаетъ — это свойство слабости. Но нельзя терпѣть, чтобы за господъ писателей платились ихъ жертвы, вся несчастная увлекающаяся молодежь. Намъ вовсе не весело вносить горе въ семьи. . .

Я. Ваше высокопревосходительство, я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что если въ безпорядкахъ виноваты писатели, то они и должны платиться, но не знаю, почему вы обвиняете именно ихъ. Такое мнѣніе мнѣ случилось видѣть даже въ печати, но вѣдь у насъ есть тоже дѣти, горе вносится и въ наши семьи . . .

Плеве. Я очень радъ, если среди васъ есть люди, чуждые подстрекательству молодежи, но въ общемъ остаюсь при своемъ мнѣніи. Теперь пока все тихо, но господа литераторы уже ходятъ на студенческія вечеринки и говорятъ тамъ рѣчи, г-жа Яворская читаетъ тамъ стихи. Въ частности вашъ журналъ — главный штабъ революціи, особенно теперь, когда вы сразили марксизмъ и остались одни. Кто у васъ въ редакціи, кромѣ васъ? Аннен-

скій, Мякотинъ, Иванчинъ-Писаревъ . . . Эта старая гвардія опять поднимается, я знаю ея связи съ Воронежемъ. . . Въ „Союзѣ писателей“ вы дѣлали дождь и хорошую погоду, и вотъ теперь устроили самочинный комитетъ для празднованія двухстолѣтія печати . . . И срокъ то этотъ апокрифическій, и вся затѣя разсчитана исключительно на агитацію, а не на какой нибудь практическій результатъ. Всякую петицію, всякое обращеніе къ обществу (подчеркнулъ голосомъ) о свободѣ печати я считаю въ настоящее время неумѣстнымъ и незаконнымъ дѣломъ. . .

Я. Даже петицію на имя вашего высокопревосходительства?

Плеве. Даже петицію на мое имя. Во первыхъ, петиція, поданная скопомъ, противозаконна. Во вторыхъ, въ петицію войдетъ, конечно, ходатайство о передачѣ дѣлъ о правонарушеніяхъ путемъ печати въ судебныя учрежденія, а это значитъ прибавить къ вашимъ перьямъ языки адвокатовъ. Я этого не допущу . . .

Я. Согласитесь, однако, ваше высокопревосходительство, что въ виду двухстолѣтія періодической печати мы могли-бы разсчи-

тывать и на какой нибудь практическій результатъ.

Плеве (подумавъ). Ни въ какомъ случаѣ. И если вамъ не удастся заклясть того духа, котораго вы вызвали . . .

Я. Я никакого духа не вызывалъ, ваше высокопревосходительство, и ничего не берусь заклинать. Прошу васъ только разрѣшить мнѣ сообщить то, что я отъ васъ слышалъ, моимъ товарищамъ.

Плеве. Товарищамъ по редакціи — да, а не самочинному комитету . . . я врагъ всякой рекламы, въ томъ числѣ и съ отрицательнымъ знакомъ, и не хотѣлъ бы, чтобы наша бесѣда получила большое распространеніе и передавалась, какъ всегда, въ извращенномъ видѣ въ заграничной печати. Съ вами, какъ главнокомандующимъ, я хотѣлъ побесѣдовать, а съ другими не хочу говорить. Я приказалъ директору департамента полиціи вызвать, по его выбору, генераловъ и полковниковъ революціонной арміи. А вамъ въ заключеніе подамъ совѣтъ: уѣзжайте-ка вы на это время изъ Петербурга! Подумайте!

Я сначала не придалъ значенія концу бесѣды, но потомъ рѣшилъ написать министру.

Ваше высокопревосходительство,
Милостивый Государь,
Вячеславъ Константиновичъ!

Простите, что утруждаю, хотя на одну минуту, Ваше вниманіе своимъ личнымъ дѣломъ.

Обдумавъ Вашъ благожелательный совѣтъ, долгомъ совѣсти своей считаю довести до Вашего свѣдѣнія, что не могу ему послѣдовать, — не могу, въ настоящее время, уѣхать изъ Петербурга. Нужнымъ нахожу прибавить, что только съ совѣстью я совѣтовался, принимая это рѣшеніе, грозящее мнѣ тяжкими послѣдствіями.

Примите и проч.

Николай Михайловскій.

12-го декабря 1902 года.



Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1.	**Шидарь**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben)	1,50	Мар.
2.	**Л. Н. Толстой**, Письмо къ Поляку (Polen-Briefe)	—,60	„
3.	—, Разумъ (Vernunft, Glaube)	—,80	„
4.	—, Не воевай (Kämpfe nicht)	—,80	„
5.	—, Палкинъ (Palkin)	—,80	„
6.	—, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus)	—,80	„
7.	—, Плоды просвѣщенія (Früchte)	1,—	„
8.	—, Крестникъ (Patenkind)	1,—	„
9.	—, Мысли о Богѣ (Gedanken)	1,20	„
10.	—, Рабство нашего времени (Sklaverei)	1,50	„
11.	—, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens)	1,50	„
12.	—, Христіанство (Christentum)	2,—	„
13.	—, Половой вопросъ (Sexuelle Frage)	2,—	„
14.	—, Воскресеніе (Auferstehung)	3,50	„
16.	**Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage)	1,—	„
17.	**М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes)	1,—	„
18.	**Толстой** и Святѣйшій Синодъ (Tolstoi und Synod)	1,50	„
19.	***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend)	2,—	„
20.	***, Послѣднія революц. событія (Ereignisse)	2,—	„
21.	**Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse)	4,—	„
22.	**М. Горькій, Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage)	1,—	„
23.	***, Жизнь и ученіе Могаммеда (Mohamed)	5,—	„
24.	**Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre)	1,—	„
25.	—, Единственное средство (Einzige Mittel)	1,—	„
26.	—, Крейцерова соната (Kreutzersonate)	1,50	„
27.	—, Исповѣдь (Beichte)	3,—	„
28.	—, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube)	4,—	„
29.	***, Изъ революц. русск. литерат. (Revol. Literatur I)	3,—	„
30.	**Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk)	1,50	„
31.	—, Что такое религія (Religion)	2,—	„
32.	**А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow)	1,—	„
33.	**Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung)	1,20	„

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи.

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

34.	Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz)	1,—	**Мар.**
35.	Л. Н. Толстой къ Духоборцамъ (Sendschreiben)	1,—	„
36.	**Л. А. Волкенштейнъ,** 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung)	2,—	„
37.	Декабристы (Dekabristen)	1,—	„
38.	**Л. Н. Толстой и А. Герценъ,** О насиліи (Gewaltthätigk.)	1,—	„
39.	**Пушкинъ, Лермонтовъ и др.,** Революціонныя стихотворенія (Revolutionäre Gedichte)	1,20	„
40.	Запрещенн. стихотворенія (Verbotene Gedichte)	1,20	„
41.	Софія Перовская (Perowskaja)	1,20	„
42.	**Л. Н. Толстой,** Къ рабоч. нар. (Tolstoi, An d. arbeit. Volk)	1,50	„
43.	Политическая безпринципность С. Ю. Витте (Politische Prinzipienlosigkeit Witte's)	2,—	„
44.	**А. Герценъ,** Заговоръ 1825 года (Verschwörung)	—,80	„
45.	**К. Марксъ,** Гражданская война во Франціи (Der Bürgerkrieg in Frankreich)	2,—	„
46.	Какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться (Wie der Zar zu Gott klagte)	—,80	„
47.	**Л. Н. Толстой,** Противъ войны (Gegen den Krieg)	1,—	„
48.	Третье отдѣленіе (Die dritte Abteilung)	—,80	„
49.	Отъ розги къ желт. билету (V. d. Peitsche z. gelb. Billet)	1,20	„
50.	**А. Амфитеатровъ,** Господа Обмановы II (Obmanow II)	1,—	„
51.	Шутки самодержавной бюрократіи (Komik)	1,—	„
52.	Очередной вопросъ революціоннаго дѣла (Eine aktuelle Frage der Revolution)	1,50	„
53.	Константинъ Константиновичъ (Konstantin Konstantinowitsch)	1,—	„
54.	**Д-ръ Эльцбахеръ,** Анархизмъ (Anarchismus)	5,—	„
55.	**Л. Н. Толстой,** Возстановленіе ада (Aufersteh. der Hölle)	1,20	„
56.	—, Обращеніе къ духовенству (Geistlichkeit)	1,20	„
57.	Саратовская демонстрація (Saratower Demonstrat.)	1,50	„
58.	Шутки русской жизни (Anekdoten)	1,—	„
59.	Подъ розгой (Unter der Knute)	1,—	„
60.	Горе Натальи (Nataliens Unglück)	1,—	„
61.	Радостное извѣстіе (Eine glückliche Nachricht)	1,—	„
62.	Похожденія русскаго духовенства (Das Treiben der russischen Geistlichkeit)	1,50	„

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи.

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.
Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

63. Ненастоящая тюрьма (Das Gefängnis) . . . 1,20 Мар.
64. Всходы (Neue Triebe) . . . . 1,75 „
65. Записки князя Трубецкаго (Trubezki Memoiren) . 1,50 „
66. Спорное дѣло (Ein streitiger Punkt) . . . . . . 1,— „
67. **Д-ръ Лео,** Почему и какъ мы приближ. къ анархіи (Anarchismus) . . . . 2,— „
68. **Н. Щедринъ,** Какъ высѣкли дѣйствительн. статск. совѣтника (Staatsrat) . . . . 1,60 „
69. —, Три сказки для дѣтей (Drei Geschichten) . . 1,20 „
70. **И. С. Тургеневъ,** Попъ (Der Pope) . . . . . . 1,— „
71. **М. Горькій, Вл. Короленко, Л. Н. Толстой,** Запрещенные очерки (Drei verbotene Erzählungen) . . . . . 1,60 „
72. **Н. Щедринъ,** Новыя сказки для дѣтей (Drei Märchen) 1,60 „
73. **Л. Н. Толстой,** Къ политическимъ дѣятелямъ (Politiker) 1,— „
74. **М. А. Бакунинъ,** Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ землямъ (An die slavischen Länder) . 1,20 „
75. **М. Горькій,** Протестъ, **Л. Н. Толстой,** Письма по поводу Кишинева, **В. Короленко,** Домъ № 13 (Kischinew) 1,50 „
76. ***, Новыя революціонныя стихотворенія (Neue revolutionäre Gedichte) . . . . 1,20 „
77. **М. Горькій, Л. Н. Толстой, Н. Щедринъ,** Три революціонныя сатиры (Drei Satyren) . . . . 1,20 „
78. **Н. Щедринъ,** Развеселое житье (Fröhliches Leben) . 1,80 „
79. —, Письма къ тетенькѣ (Briefe an die Tante) . . 1,20 „
80. **А. К. Толстой,** Сонъ Статск. Сов. Попова (Der Traum) 1,— „
81. Народная воля (Der Volkswille) . . . . 1,60 „
82. Земля и воля (Land und Freiheit) . . . . . 2,50 „
83. **М. А. Бакунинъ,** Всесвѣтный революціонный союзъ соціальной демократіи (Bakunin, Die Allianz) 2,— „
84. **А. К. Толстой,** Бунтъ въ Ватиканѣ (Tolstoi, Aufstand) 1,— „
85. Народная воля (Der Volkswille III) . . . . 1,60 „
87. Унтеръ-офицеръ (Unteroffizier) . . . 1,80 „
88. Сказаніе о несправедл. царѣ (Vom ungerecht. Zaren) 2,— „
90. **Л. Н. Толстой,** Государство и Церковь (Staat u. Kirche) 1,— „
91. **А. Герценъ,** Отрывки изъ „Былого и Думъ" (Gedanken) 1,60 „
92. **А. С. Пушкинъ,** Гавриліада (Gabriliade) . . . . 1,— „
93. Воспоминанія русск. революціонер. (Erinnerungen) 2,— „

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія. запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Verlag von Hugo Steinitz,
Берлинъ, Шарлоттенштр. 2. Berlin, Charlottenstr. 2.

94	**Н. Г. Чернышевскій**, Научились ли? (Haben wir es gelernt?)	1,—	Мар.
95.	**Шевченко**, Марія (Marie)	1,—	„
96.	**Ж. Кенанъ**, Жизнь политическихъ арестантовъ въ русск. тюрьм. (Das Leben d. politischen Gefangenen)	1,60	„
97.	За вѣру, царя и отечество (Für Zar und Glauben)	2,—	„
98.	**М. Бакунинъ**, Воззваніе къ славян. (Aufruf a. d. Slaven)	1,50	„
99.	**А. С. Пушкинъ**, Царь Никита (Zar Nikita)	1,—	„
100.	**А. Герценъ**, Михаилъ Бакунинъ и польское дѣло (M. Bakunin und der polnische Aufstand)	1,20	„
101	**В. Короленко**, Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ (Erinnerungen an Tschernyschewsky)	1,50	„
102	Высочайшие амуры (Allerhöchste Liebschaften)	1,—	„
103.	**М. Бакунинъ**, Рѣчи на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы (M. Bakunin, Reden)	1,50	„
104	Липочка-Поповна (Lipotschka)	2,—	„
105	**П. Алисовъ**, Богдыханъ Никуланъ-сю (Nikolang-Sju)	1,50	„
106.	Конституція графа Лорисъ-Меликова (Konstitution)	2,—	„
107	Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости (Das Leben in der Schlüsselburger Festung)	3,—	„
108	Война 1904 года (Der Krieg 1904)	3,—	„
109.	**Кн. Г. Волконскій**, Записка (G. Wolkonsky, Memoiren)	2,—	„
110.	Первый юбилей Николая II (Nikolaus der Zweite)	1,50	„
111	**Л. Н. Толстой**, Объ общественномъ движеніи въ Россіи (Zur sozialen Bewegung in Russland)	1,—	„
112.	Фавориты Екатерины II (D. Favoriten Katharina II)	1,50	„
113.	**М. Маньковскій**, Сорокъ дней передъ казнями (Vierzig Tage vor d. Todesstrafe)	1,60	„
114	**В. Д. Коргановъ**, Русская революція ([illegible] Revolution)	1,—	„
115	**Л. Н. Толстой**, Конецъ вѣка (Ende des Jahrhunderts)	2,—	„
116.	**Н. К. Михайловскій**, Воспоминанія (Memoiren)	1,—	„
117	**Г. Гершуни**, Разрушенный молъ (Der zerstörte Wall)	1,—	„

Rosenthal & C., Berlin SO, Rungestr. [illegible]

